

Достоинством описываемой системы является еще и то, что она продвинута на этап по пути решения более сложных вопросов, выходящих за рамки поставленной задачи. Так, специальный модуль разрешает вопрос порядка слов в отрицательных конструкциях, предусмотрена перемена порядка слов в определительных конструкциях с причастиями и т. д.

Широкое использование в работе статистических данных, методов экспертных оценок придает убедительность изложению основных научных концепций.

В приложении к работе дается описание нескольких действующих систем МП за рубежом, а также образцы отредактированных высококвалифицированными редакторами ВЦП экземпляров одного текста, перевод которого выполнен на ЭВМ системой АМПАР.

Вполне очевиден вклад в теорию и практику МП, который сделан Ю. Н. Марчуком и коллективом ВЦП в целом. Век теоретизирования по поводу МП прошел. На повестку дня встают вопросы делового обсуждения работающих в промышленном режиме систем и ставятся проблемы их

усовершенствования. МП прочно вошел в практику информационного обслуживания, и в этом несомненная заслуга рецензируемой работы.

Садчикова П. В.

ЛИТЕРАТУРА

1. Международный семинар по машинному переводу. 26—30 ноября 1979 г.: Тезисы докладов. М., 1979.
2. *Питровский Р. Г.* Инженерная лингвистика и теория языка. Л., 1979.
3. *Котов Р. Г., Марчук Ю. Н., Нелюбин Л. Л.* Машинный перевод в начале 80-х годов. — ВЯ, 1983, № 1.
4. *Нелюбин Л. Л.* Перевод и прикладная лингвистика. М., 1983.
5. *Марчук Ю. Н.* Контекстологический словарь для машинного перевода многозначных слов с английского языка на русский. Ч. I—II. М., 1976.
6. *Алексеев П. М.* Статистическая лексикография. Л., 1975.

Швейцер А. Д. Социальная дифференциация английского языка в США. — М.: Наука, 1983. 216 с.

Рецензируемая монография представляет собой конкретную разработку на материале американского варианта английского языка (American English, далее — АЕ) выдвигаемой А. Д. Швейцером социолингвистической теории. При этом А. Д. Швейцер опирается как на собственные наблюдения над современным АЕ в его социальных и ситуативно-стилистических разновидностях, так и на данные других исследователей (отечественных и зарубежных).

В книге рассматривается следующий круг проблем: проблема социальной дифференциации языка в общетеоретическом аспекте; собственно социальная, ситуативная и функционально-стилистическая варьированность АЕ; соотношение различных компонентов социально-коммуникативной системы, обслуживающей современное американское общество, и распределение функций между АЕ и другими языками, входящими в эту систему; взаимодействие литературного АЕ с социальными и территориальными диалектами; механизмы двуязычия и диглоссии в условиях многокомпонентной социально-коммуникативной системы. Особое внимание уделяется проблеме функционального многообразия литературного АЕ и таким его разновидностям, которые наиболее значимы в социальном и культурном отношении (ср. анализ языка средств массовой коммуникации).

Разработка каждой из этих проблем, представленная в монографии, позволяет оценить книгу А. Д. Швейцера как весомый вклад одновременно в теоретическую социолингвистику, социологию языка, функциональную стилистику, науку об английском языке и его национальных вариантах.

Рассматривая социальную структуру АЕ, А. Д. Швейцер не ограничивается

фиксацией ее современного состояния, а старается проследить историю формирования различных социально обусловленных подсистем АЕ. Такой подход дает возможность и более глубокого понимания процессов, протекающих в современном АЕ, и объяснения специфических форм взаимоотношений и взаимодействия подсистем АЕ (например, литературного языка и сленга, различных социально-территориальных диалектов как между собой, так и с другими разновидностями АЕ).

Для А. Д. Швейцера характерен широкий взгляд на сущность проблемы «социальная дифференциация языка». На страницах своей книги он убедительно показывает, что помимо такого расслоения языка, которое определяется собственно социальной неоднородностью общества, существуют и другие типы языкового варьирования, которые также должны рассматриваться в рамках указанной проблемы, т. к. и они находятся в связи — правда, сложной и далеко не всегда явно выраженной — с социальными факторами (такова, например, функционально-стилистическая дифференциация литературного языка). Справедливо указывая на отсутствие изоморфности между социальной структурой языка и социальной структурой общества¹, А. Д. Швейцер

¹ Несмотря на явный анахронизм прямолинейного взгляда на природу соотношений языка и общества, этого взгляда еще продолжают придерживаться некоторые современные исследователи, настаивающие (правда, по большей части декларативно) на изоморфных, полностью коррелирующих связях социальной структуры языка с социальной структурой общества (см., например, [1, 2]).

подчеркивает, что проблема социальной дифференциации языка несводима к стратификационной вариативности (которая связана с социально-классовым расслоением общества): она включает еще один вид вариативности — вариативность ситуативно-стилистическую (с. 15 и сл.). Стратификационная вариативность проявляется в речевых особенностях представителей различных социальных слоев и групп; ей соответствует один тип социолингвистических переменных — индикаторы (по терминологии У. Лабова). Ситуативная вариативность определяется особенностями сферы использования языка, ситуативными и стилистическими условиями речи; ей соответствует другой тип социолингвистических переменных — маркеры. В изучении указанных различий в характере социальной варьированности языка рецензируемая книга продолжает и развивает предшествующие исследования автора. Так, например, предложенное им ранее понятие социально-коммуникативной системы, под которой имеется в виду «совокупность всех используемых данным языковым коллективом языковых систем и подсистем» (с. 31)², удачно применяется к анализу языковой ситуации в современных США. Это позволяет «выявить функциональное тождество гомогенных (одноязычных и однодиалектных) систем и систем гетерогенных (двухязычных и диглоссных), обслуживающих языковые коллективы в условиях билингвизма и диглоссии» (с. 16)³.

Понятие социально-коммуникативной системы оказывается удобным инструментом исследования, т. к. позволяет не только соотнести друг с другом различные характеристики языка, его носителей и процесса общения (например, такие, как социальная функция языка, диалекта, стиля, социальный статус, коммуникативная ситуация, языковая ситуация, социальная роль и др.), но и показать, как «работает» каждая из этих характеристик в конкретном социолингвистическом анализе языкового материала.

В связи с понятием социально-коммуникативной системы необходимо сделать следующее замечание. Отношения между

компонентами этой системы — самостоятельными языками или подсистемами одного языка (диалектами, жаргонами, стилями), как указывает автор, «задаются не внутривидовыми связями, а связями социальными, определяющими функциональное распределение компонентов»: последние находятся в отношении функциональной дополнителности друг к другу (с. 17). Поскольку это утверждение, как явствует из текста, касается всех типов социально-коммуникативных систем (как гомогенных, так и гетерогенных), то другое утверждение автора, сделанное им ниже, кажется противоречащим первому: в гетерогенных системах, подобных американскому варианту английского литературного языка, «компоненты находятся в отношении не функциональной, а структурной дополнителности». Иными словами, они взаимно дополняют друг друга не по социальным функциям, а по охватываемым ими уровням языковой структуры» (с. 68). Это объясняется тем, полагает автор, что в литературном АЕ нет единой фонетической нормы (в отличие от других уровней, где такая норма есть). Но разве в различных социальных и ситуативно-стилистических условиях общения не используются разные стили английского произношения? Если это так (а многочисленные исследования американских лингвистов да и работы самого автора рецензируемой книги убедительно свидетельствуют о таком варьировании произношения — помимо варьирования регионального), то, значит, и на этом, фонетическом, уровне социально-коммуникативная система вариативна функционально.

Этот пример свидетельствует о том, что проблема варьирования языка остается одной из наиболее сложных. Однако уже сейчас, опираясь на имеющиеся в этой области исследования, можно выделить несколько типов варьирования: так называемый исторический тип, т. е. изменение языка во времени, территориальный (подразделяющийся на территориально-национальный и региональный), т. е. изменение языка в связи с его распространением в разных странах и в разных регионах отдельных стран, тип социального варьирования (как стратификационного, так и ситуативного) и тип функционально-стилистического варьирования речи.

Совмещение разных типов варьирования, происходящее в различных национально-языковых условиях, дает пеструю и пока еще мало изученную картину языковой вариативности. Книга А. Д. Швейцера как раз представляет собой попытку внести ясность в эту сложную проблему⁴.

Исследуя литературный АЕ как основной компонент социально-коммуникативной системы современного американского общества, автор характеризует норму этого языка как ацентрическую (в отли-

² Это понятие перекликается с ранее введенными Дж. Гамперцем понятиями матрицы общения и кодовой матрицы: первая задает специфический для данного общества набор социальных ролей, а вторая — набор «кодов и субкодов, функционально связанных с матрицей общения» [3]. Надо признать, однако, что понятие социально-коммуникативной системы более адекватно отражает взаимодействие языка и его разновидностей с социальной структурой общества, т. е. учитывает не только ролевые различия между коммуникантами, но и многие другие переменные, существенные с точки зрения социально обусловленного варьирования языка.

³ Введенное А. Д. Швейцером понятие социально-коммуникативной системы уже используется в работах других исследователей, посвященных проблемам социальной и ситуативно-стилистической вариативности языка (см. [4, 5]).

⁴ Столь же плодотворной представляется разработка проблем вариативности на материале испанского, немецкого, русского и других современных языков (ср. [6—8]).

чие от моно- и полицентрической нормы в других литературных языках), когда формирование нормы «происходит не вокруг одного или нескольких центров, а на базе самого распространенного регионального койне, имеющего наилучшие перспективы стать общенациональной нормой. Такую модель формирования литературной нормы можно назвать ацентрической» (с. 71).

Однако помимо территориального, существует и собственно социальный аспект нормы, который характеризует как процесс формирования нормы, так и синхронное ее состояние: например, ориентация нормы на образцы речи, являющиеся социально наиболее престижными, — как присущие определенным социальным слоям. Если литературную норму АЕ рассматривать с этой точки зрения, то, по всей видимости, ее нельзя будет назвать ацентрической: несмотря на существование региональных вариантов языка, несомненно действует тенденция к моноцентризму, т. е. все большая ориентация на речевую манеру определенных социальных групп (эта тенденция является, по-видимому, общей для большинства современных литературных языков).

Вообще же надо сказать, что и в определении понятия «литературный язык», и особенно в описании литературного английского языка в США, позицию автора отличает «многофакторный» подход: учет целого ряда факторов (собственно языковых, социальных, этнических, психологических и т. п.), которые в какой-либо степени оказываются релевантными при характеристике системы литературного АЕ и его выразительных возможностей. В этом отношении показателем анализ средств массовой коммуникации (МК) как социально наиболее значимой функциональной разновидности литературного языка. Этот анализ позволяет автору выделить ряд характерных черт языка печати, радио, телевидения, связанных с такими свойствами этих средств МК, как универсальность и специализация, оперативность и вездесущность, централизация и монополизация и некот. др. При этом наряду с общими, «внеациональными» чертами, характеризующими язык средств МК, автор отмечает и такие, которые специфичны для системы МК в США, ср., с одной стороны, выявленные автором тенденции в употреблении штампов и в создании клишированных оборотов, противоборство экспрессивности и стандартности в языке прессы (это свойственно языку средств МК не только в США), и, с другой стороны, насыщенность текста американских газет неологизмами, окказионализмами, лексическими элементами сленга, что меньше представлено в прессе, радио- и телеречи в иных национальных условиях [9, 10].

Наблюдающееся в средствах МК массовое употребление профессиональных терминов, жаргонизмов и арготизмов, широкое использование некоторыми жанрами американской прессы элементов сленга автор рассматривает как одно из проявлений процесса «функциональной мобильности языковых единиц», который протекает как «по вертикали» (литературный

язык $\rightleftharpoons$ диалекты), так и «по горизонтали» (центр языковой системы $\rightleftharpoons$ периферия). Этот вывод представляется верным не только относительно современного АЕ, но и относительно других современных языков. При этом, естественно, характер этого процесса, его интенсивность, а также номенклатура используемых в литературном языке нелитературных средств могут быть различными: так, например, в современной русской печати достаточно широко и разнообразно употребляются специальные термины и профессионализмы, а просторечные и тем более арготические элементы (приблизительные аналоги сленгизмов) встречаются значительно реже.

Показав на примере языка средств МК, как литературный язык взаимодействует с другими компонентами АЕ, А. Д. Швейцер переходит затем к характеристике этих компонентов. Он рассматривает (1) социально-территориальные диалекты, (2) социально-этнический диалект Black English и (3) (собственно) социальные диалекты, которые представлены в США профессиональными диалектами, групповыми (корпоративными) жаргонами, а также арготическими элементами. Диалекты третьей группы образуют специальный сленг, противопоставляемый «общему сленгу», имеющему более широкую сферу употребления (ср. [11]).

При анализе этих подсистем автор использует современные лингвистические исследования американских социальных и территориальных диалектов, критически осмысливая данные и выводы этих исследований и в ряде случаев предлагая собственные решения обсуждаемых проблем.

Книга завершается главой о билингвизме и диглоссии, в которой основное внимание уделяется механизму «переключения кода», т. е. смены языка или стиля в той или иной ситуации общения в зависимости от социальных и других факторов.

В современной социолингвистике популярна модель кодового переключения, в основу которой положена теория социальных ролей: смена роли, изменение ролевых отношений между говорящим и слушающим влечет за собой переключение кода. При всей привлекательности этой модели, отмечает А. Д. Швейцер, она не вскрывает всех особенностей механизма взаимодействия кодов и субкодов в условиях билингвизма и диглоссии, т. к. помимо ролевых она не учитывает никаких других компонентов и характеристик речевого общения (например, социальный статус коммуникантов, их социальные и ценностные установки и т. п.). Автор полагает, что для изучения указанного механизма наиболее плодотворным окажется «комплексный анализ, учитывающий всю совокупность социальных и социально-психологических детерминантов речевого поведения» (с. 190) ⁵.

⁵ Подобный комплексный подход к изучению проблем двуязычия характерен для ряда работ советских социолингвистов; см., например, [12]. Особое вни-

Различая случаи подлинного переключения кода и случаи единичных иноязычных вкраплений, автор, ссылаясь на Дж. Гамперца, отмечает, что вкрапления играют стилистическую роль, «будучи маркерами этнической принадлежности коммуникантов» (ср. английские вкрапления в речи испаноговорящих американцев и испанские вкрапления в их же английской речи, с. 192). Случаи же подлинного переключения более разнообразны и поэтому более интересны с социолингвистической точки зрения. Для их анализа полезно было бы привлечь введенное Дж. Гамперцом и развитое в работах С. Эрвин-Трипп [14, 15] понятие «со-occurences rules» — правил совместной встречаемости, правил сочетаемости — которые в известной мере регулируют процесс кодового переключения. Суть этих правил сводится к тому, что при полном переключении (возможно, что это соответствует термину А. Д. Швейцера «подлинное переключение») смена кода или субкода на одном уровне влечет за собой его смену и на других уровнях: например, если английский лексический материал вводится в русскую речь, то говорящий должен выбирать тот произносительный вариант, который фонологически является ближайшим к английскому, и строить из этого материала предложения в соответствии с требованиями грамматики английского (а не русского) языка.

В заключение остановимся на некоторых неясных и спорных моментах рецензируемой книги.

Как уже отмечалось, в своей монографии А. Д. Швейцер использует ряд разработанных им понятий социолингвистики и прилагает их к анализу American English. Они, как правило, имеют в работе эксплицитное определение (ср., например, определение понятий «языковой коллектив», «социально-коммуникативная система» и др.). Помимо этих понятий в книге фигурируют многочисленные термины, введенные в научный оборот авторами других исследований (таковы, например, «языковая ситуация» и «гипы языковых ситуаций», по терминологии Л. Б. Никольского, «социальная роль», «социальный престиж» и мн. др.). Наконец, в работе есть еще один разряд понятий и терминообразных оборотов: с одной стороны, они не имеют определений, а с другой, очевидно, что они не заимствованы автором из каких-либо источников. Так, например, неясно, каково содержание термина «социальная матрица»: «Диапазон социальных функций, выполняемых социально-коммуникативной системой, определяет структуру ее социальной матрицы» (с. 17). Никаких разъяснений по поводу того, что такое социальная матрица, каковы ее компоненты и т. п., читатель не получает.

На наш взгляд, чересчур широкий смысл придан термину «план содержания» (с. 30), который используется в лингвистике в достаточно строго определяемом

значении. Применение этого термина к социолингвистическим переменным, как кажется, ничего не проясняет в том, что автор называет омонимией и синонимией этих переменных.

Английскому термину «attitude» в книге соответствует термин «установка». Это — «чувство признания или неприязни, выбор или отвержение, предрасположенность или непридрасположенность, одобрение или неодобрение» в отношении фактов, событий, явлений (как несколько официально определяет этот термин один из цитируемых А. Д. Швейцером американских социологов). В указанном смысле «установка» используется автором применительно к разного рода субъективным оценкам языка в целом, каких-либо его форм, отдельных языковых единиц или их денотатов и т. п. По-видимому, стоило бы указать, что термин «установка» имеет и другой смысл, в котором он употребляется в психологии (начиная с работ Д. Н. Узнадзе): установка — психологическое состояние человека, в которое он приходит для какого-либо целесообразного действия, для восприятия событий, для общения с другими людьми и т. п. В этом втором, психологическом значении термин «установка» довольно широко употребляется и в языкознании (ср., например, работы по психолингвистике, а также исследования русской разговорной речи).

Справедливо критикуя авторов некоторых работ за неточное использование терминов (ср., например, с. 67 и сл., где обсуждается термин «диалект» и возможность его применения к разным формам существования АЕ), А. Д. Швейцер, однако, иногда высказывает упреки, которые не кажутся глубоко обоснованными. Так, на с. 159 автор сетует, что термин просторечие «вообще отсутствует в номенклатуре американских лингвистических терминов». И действительно: такие термины, как «general slang», «illiterate speech», «vulgar-speech», «non-standard language», обозначают явления, лишь отчасти пересекающиеся с теми, которые называются просторечием. Но это не случайно: просторечие — в значительной степени чисто русское явление, имеющее в других языках аналогии, но, по-видимому, не имеющее точных соответствий (как по социальному и языковому статусу, так и по истории своего формирования). Поэтому в применении к англо-американскому языковому материалу употребление этого термина (в сколь угодно адекватном переводе) вряд ли целесообразно.

Одно замечание касается композиционной структуры книги. Представляется вполне оправданным такое расположение материала, которое ведет читателя от общетеоретических вопросов, связанных с проблемой социальной дифференциации языка, к конкретным формам и проявлениям этой дифференциации. И в конце описания читатель хотел бы видеть некоторое заключение, подытоживающее проделанную работу. Заключение могло бы, в частности, содержать схему социальной дифференциации современного АЕ, в обобщенной форме и в то же время

манье при этом уделяется методам исследования двуязычия, а также проблеме моделирования процесса владения двумя языками [13].

наглядно представляющую различные социально обусловленные подсистемы этого языка и их соотношение друг с другом.

Перечисленные замечания касаются достаточно внешних сторон рецензируемой работы и не затрагивают ее существа. В целом же новая книга А. Д. Швейцера — несомненный успех ученого, бесспорное свидетельство плодотворности его исследования в области социолингвистики и ее конкретных приложений.

Крысин Л. П., Трескова С. И.

ЛИТЕРАТУРА

1. Bright W. Introduction: the dimensions of sociolinguistics. — In: Sociolinguistics. Ed. by Bright W. The Hague, 1966.
2. Bock Ph. Social structure and language structure. — In: Readings in the sociology of language. 2-nd ed. The Hague, 1970.
3. Гамперц Дж. Типы языковых обществ. — В кн.: Новое в лингвистике. Вып. VII. М., 1975, с. 187—188.
4. Грумадене Л. А. Проблемы социальной обусловленности речевого варьирования (на материале литовского языка): Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. М., 1982.

Brang P., Züllig M. Kommentierte Bibliographie zur slavischen Soziolinguistik. — Bern — Frankfurt-am-Main: Peter Lang, 1981. Bd. I — S. 1—627; Bd. II — S. 628—1404; Bd. III — S. 1405—1639.

Один из авторов рецензируемой «Аннотированной библиографии по славянской социолингвистике» — известный швейцарский славист П. Бранг — в докладе, подготовленном для IX Международного съезда славистов в Киеве (сентябрь 1983 г.), подчеркнул, что опубликование Библиографии, о работе над которой он впервые объявил на VII съезде славистов в Варшаве (1973 г.), при всей ее неполноте, не только является обобщением уже проделанной работы в этой области языкознания, но и создает предпосылки для дальнейших социолингвистических исследований в области различных языков [1]. С его мнением можно вполне согласиться — перед нами фундаментальный библиографический труд в трех томах, являющийся, как об этом не без оснований сказано в издательской аннотации, «первой попыткой дать общую картину славянских и славяноведческих работ по языку как социальному феномену...». Первые два тома, насчитывающие 1404 страницы, представляют собой собственно библиографию, включающую свыше 15 тыс. (15 061) названий социолингвистических работ, а третий том (с. 1405—1639) содержит сводный именной и предметный указатели, а также список принятых в Библиографии сокращений названий сборников научных трудов, журналов, книг и монографий. Таким образом, все три тома образуют единый корпус Библиографии. Работа была опубли-

5. Михальченко В. Ю. Проблемы функционирования и взаимодействия литовского и русского языков. Вильнюс, 1984.
6. Степанов Г. В. Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи. М., 1976.
7. Домашнев А. И. Современный немецкий язык в его национальных вариантах. М., 1983.
8. Русский язык по данным массового обследования. М., 1974.
9. Язык в развитом социалистическом обществе. Языковые проблемы развития системы массовой коммуникации в СССР. М., 1983.
10. Социолингвистические проблемы функционирования системы массовой коммуникации в СССР. М., 1983.
11. Маковский М. М. Английские социальные диалекты. М., 1982.
12. Развитие национально-русского двуязычия. М., 1976.
13. Дешериев Ю. Д. Теория языка и языковая практика. — В кн.: Теоретические проблемы социальной лингвистики. М., 1981.
14. Gumperz J. On the linguistic markers of bilingual communication. — Journal of social issues, 1967, v. 23, № 2.
15. Ervin-Tripp S. The structure of communication choice. — In: Ervin-Tripp S. Language acquisition and communicative choice. Stanford, 1973.

кована в качестве 17-го тома серии «Slavica Helvetica» («Швейцарская славистика»).

Основой рецензируемой Библиографии послужили собранные П. Брангом еще в начале 60-х годов названия работ «по славянской социолингвистике». К концу 1972 г. к сбору и систематизации библиографического материала присоединилась М. Цюллинг. Работа была продолжена в рамках группы славянских языков (Slavisches Seminar) Цюрихского университета, получив статус исследовательского проекта и материальную поддержку Швейцарского национального фонда развития научно-исследовательских работ (с 1973 по 1978 гг.).

Библиография содержит перечень изданных в странах распространения славянских языков (СССР, НРБ, ПНР, ЧССР, СФРЮ) публикаций, посвященных социолингвистической проблематике как славянских, так и других языков. При этом среди работ советских авторов в Библиографию включены и такие, которые написаны по соответствующей проблематике на различных национальных (туркменском, узбекском, эстонском и др.) языках. С другой стороны, Библиография охватывает также работы, принадлежащие лингвистам других стран, в которых соответствующая проблематика рассматривается на материале славянских языков. Тем самым подчеркивается характер Библиографии — быть